

И С Т О Р И Я

УДК 94(47).07

КОСТЮМ КАЗАНСКИХ МЕЩАН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ЗНАК И ОБРАЗ

© 2018 г.

Т.В. Бессонова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Набережные Челны

bessonovatv@list.ru

Поступила в редакцию 15.06.2017

Представлено исследование костюма казанских мещан первой половины XIX в. как неотъемлемого признака социального качества в условиях сословного строя. Сословная одежда была социальным маркером, системой знаков, сообщавшей окружающим об общественном статусе, этноконфессиональной принадлежности, достатке, социальной роли, самоидентификации мещанина. Анализ архивных материалов, большинство из которых впервые введено в научный оборот, дал возможность реконструировать мещанский костюм и представить визуальный образ рядового горожанина и горожанки изучаемой эпохи. В результате изучения одежды-образа как мужчины, так и женщины из русской и татарской мещанских общин сделан вывод о том, что мещанский костюм представлял собой традиционную городскую одежду рядового обывателя с учетом гендерных и этноконфессиональных особенностей. Процесс вытеснения общепринятых форм практически не затронул культурный мир провинциального горожанина. Понятие моды еще не проникло в мещанское сознание, новации в мещанском костюме присутствовали пока в виде отдельных деталей гардероба, тканей, аксессуаров, не выходя за пределы образа в целом. В первой половине XIX в. социокультурный менталитет мещанина оставался в основном на уровне сословной ментальности.

Ключевые слова: русское и татарское мещанство, одежда, социокультурная идентичность, этноконфессиональные и гендерные традиции, модернизация.

Костюм – одно из наиболее ярких визуальных представлений о человеке. В России первой половины XIX в. одежда была визитной карточкой, сообщавшей прежде всего социальный статус индивида. Сословная одежда была формальным признаком социальной дифференциации, позволявшим отличать дворянина от буржуа [1, с. 79]. Одежда сообщала сословную, конфессиональную и национальную принадлежность, свидетельствовала о социальных статусах и ролях, профессии, способствовала самоутверждению человека. Как отметила российская исследовательница истории костюма Р.М. Кирсанова, сословность одежды была столь значительным элементом культуры, что отказ от костюма своего сословия мог поставить человека в двусмысленное положение [2, с. 168].

О дворянской и крестьянской одежде сформировалось достаточно полное визуальное представление. Многочисленные примеры внешнего облика содержит классическая литература, костюм запечатлен на полотнах

художников, народная одежда была предметом интереса этнографов. Представление о мещанском костюме сложилось гораздо более скудное. В статье предпринимается попытка реконструировать одежду казанских мещан первой половины XIX в., что даст возможность дополнить понимание менталитета рядового горожанина.

Исследование одежды казанских мещан позволит определить некоторые характеристики городского образа жизни, что важно для понимания экономических и социокультурных процессов, протекавших в российском городе дореформенной эпохи. В изучаемый период ключевым для социальных структур был процесс буржуазной модернизации. Модернизация, понимаемая как «совокупность социальных, экономических, политических, культурных и иных процессов, связанных с переходом от традиционного (доиндустриального, аграрно-традиционалистского) общества к современному индустриальному и формирующемуся постиндустриальному обществу, основанному

на инновациях во всех сферах жизни» [3, с. 7], проявилась в различных областях жизни российского общества. Мещанство как городской слой населения должно было быть одним из наиболее чувствительных к данным переменам. Однако изменение взглядов на моду и красоту, начавшееся в петровскую эпоху, происходило пока достаточно медленно, затронув в первую очередь дворянство и купеческую верхушку. Костюм горожанина средних и особенно низших слоев в целом сохранял традиционный для России вид, лишь понемногу допуская элементы «заморского кроя» [4, с. 27]. Подробное рассмотрение одежды казанских мещан позволит уточнить соотношение традиций и новаций во внешнем облике горожанина.

Целью исследования является реконструкция одежды казанских мещан первой половины XIX в. как маркера социокультурной идентичности. Одежда – социальный знак, определяющий образ. Описание имущества конкретного мещанина содержит подробнейший перечень всех предметов гардероба отдельного человека, что дает возможность представить его заверченный облик и получить достаточно полное представление о социокультурной идентификации.

Исследование проводилось в рамках истории повседневности, активно развивающейся в исторической науке. В подходах к исследованию повседневности существует множество трактовок и методологических особенностей, что определило многообразие предметных полей данного направления. Как заметила германский этнограф и антрополог К. Липп, «существует столь же много «повседневностей», сколько есть авторов, ее изучающих» [5, S. 32]. В представленной статье исследована бытовая повседневность мещанства на основе анализа одежды как социального знака, определяющего идентичность.

Источниковую базу составили описания имущества казанских мещан, составленные при переходе в опекуновое управление, а также по случаю распродажи имений должников. Данные документы сосредоточены в фондах Национального архива Республики Татарстан, и большинство из них впервые вводится в научный оборот [6]. Анализ языка источников проводился с антропологически ориентированных позиций, что позволило очертить культурный мир казанского мещанина через реконструкцию внешнего облика.

Повседневная жизнь нагружена символами, поскольку обыденность основана на повторяемости, привычности действий, слов,

жестов, которые в своей будничности обретают смысловое значение нормы. Реальный мир можно представить как систему знаков, складывающихся в культурный код, постижение которого позволяет углубить понимание человека прошлого. Бытие человека предстает перед нами в виде различных текстов, наиболее значимую роль среди которых имеют вербальные. «Историк обречен работать с материалом, который до него лингвистически обработан», – писал Ю.М. Лотман [7, с. 138]. Лексические обозначения отдельных предметов гардероба, тканей, цветов, аксессуаров, украшений, проанализированные с точки зрения лексико-семантического подхода, позволяют интерпретировать одежду мещанина как систему символов. Таким образом, мир повседневных вещей, важной частью которого является одежда, представляет собой генератор информации об историческом прошлом, в котором закодирован смысл исторической реальности. Применяемая методика дала возможность увидеть уникальные, неповторимые приметы былого, подтверждая мнение А. Людтке, что «не существует одного Бытия людей, а есть много людей, которые живут, постоянно сохраняя и заново создавая отличия друг от друга» [8, с. 60].

Реальность существования человека отражается в вещах. Мир вещей – та среда обитания, которая формируется человеком в процессе его повседневной жизни и отражает социальную и национальную идентичность, ментальные установки, эстетические приоритеты. Важнейшей частью вещного мира человека является одежда, изучение которой позволяет осознать бытовое поведение как сферу воплощения скрытых культурных кодов, отражающих нормы и ценности целого общества [9, с. 248]. Одежда как система знаков, формирующая образ, служит мощным импульсом самоидентификации, являясь визуальным выражением стиля жизни человека. Стиль жизни – это организующий принцип жизни человека, комплекс принятых в сообществе предписаний, создающих ощущение предсказуемости, понятности мира и своего поведения в нем, что способствует социальному комфорту человека [10, с. 337–338].

Для реконструкции одежды казанских мещан выбраны отдельные представители городских обывателей, поскольку гардероб одного человека позволяет представить его целостный образ – знаковую систему, так как подбор костюма является выбором индивидуального поведения в сочетании

стереотипов и субъективных решений. Так, описание имущества мещан Козьмы и Авдотьи Липиных 1819 года позволяет получить представление о социальных и эстетических ценностях русского мещанина Казани начала XIX в. [11, л. 21–22]

Судя по стоимости и перечню вещей, Козьма Липин был зажиточным человеком. Однако он носил простой кафтан из недорогой синей китайки на подкладке – излюбленную одежду основной массы горожан. Еще один распространенный предмет одежды – полукафтан – короткополюый кафтан, более удобный в повседневных работах, сшитый из темно-зеленой китайки. Халат из синей китайки, который имелся у Липина, был в то время не домашней, а уличной одеждой городского простонародья [12, с. 112]. Головные уборы были также традиционны для рядовых горожан. Липин имел в гардеробе суконную шапку с кунным околышем, потертым от частого ношения. Большой популярностью в то время пользовались поярковые шляпы, изготовленные из шерсти ягненка, по форме напоминающие колпак с небольшими полями. Такие шляпы были массовым явлением в крестьянской среде и у низших городских слоев; две такие сильно поношенные шляпы были у Липина. В источниках нередко встречаются малахаи – меховые шапки с широкими наушниками и плотно прилегающей задней частью. Один из таких малахаев в документе обозначен старинным наименованием «треухой чабак».

Таким образом, мещанин Липин выглядел как типичный рядовой горожанин в добротной простонародной одежде. Дополнить образ можно за счет других источников. Важнейшим атрибутом верхней зимней одежды был тулуп, обычно имевшийся в семье не в одном экземпляре. Мещане победнее носили простые овчинные тулупы мехом внутрь, но большинство имели тулупы, покрытые сверху синим сукном. А мещанин Зайцев обладал и более дорогим тулупом на лисьем меху [13, л. 3 об.]. На ногах мужчины носили сапоги козловой или оленьей кожи. Зимний наряд довершали кожаные рукавицы или меховые из волчьих лап.

В гардеробе часто встречаются предметы крестьянской традиционной одежды. Так, в имуществе многих мужчин был армяк, часто называемый старинным словом «азям» – так назывались долгополые суконные халаты темно-синего или черного цвета без застежек с большим воротником [14, л. 3об]. Одной из разновидностей полукафтана являлся казакин – полукафтан со стоячим воротником на крючках

со сборками сзади [13, с. 254]. Верхнюю одежду обвязывали кушаком, длинным широким куском ткани. Их изготавливали из плотной хлопчатобумажной ткани, из козьего пуха, были и редкие шелковые кушаки, как правило, однотонные, иногда клетчатые. В качестве брюк фигурируют плисовые шаровары. Описи также дают нам возможность получить редкое представление о скрытом от постороннего глаза белье мещанина. Под верхней одеждой носили обычно белые холщовые рубахи, подороже были из хлопчатобумажной коленкоровой ткани, иногда рубахи шили из ивановской красной пестряди. Из холстины или китайки носили порты белого, голубого, палевого или телесного цветов [15, л. 9].

Представить женский образ можно по перечню вещей Авдотьи Липиной, при описании одежды которой составитель позволил себе уточнение, что это «лучшее платье женское» [11, л. 24]. Авдотья Липина имела большое количество разнообразных предметов гардероба. На первом месте в описи стоит традиционный тулуп, но не из овчины, а на меху камчатского бобра, крытый темно-зеленым сукном. Из имеющихся шести шуб самая дорогая – лисьья, покрытая малиновым штофом, тяжелой шелковой или шерстяной тканью с тканым рисунком [16, с. 889]. Другая шуба, из беличьего меха, была облицована малиновой гарнитуровой тканью. Это очень плотная шелковая ткань, немнущаяся и ноская, которая имела особое распространение в среде купечества и духовенства [17, с. 86]. Четыре шубы были из мерлушки: одна длинная с лисьим воротником, облицованная синей китайкой, другая без воротника покрыта сукном песочного цвета, а также укороченная шуба синего сукна. Для более теплой погоды у Липиной был новый верблюжий армяк и суконная жилетка с рукавами, полукафтан синего сукна, а также холодник – старорусское название верхней «холодной», то есть без подкладки, одежды, которая надевалась через голову и была принята в обиходе в XVI–XVII вв., но встречалась еще в ряде мест в XIX веке [18, с. 109].

Широко распространенной простонародной женской одеждой был сарафан. Липина имела три нарядных сарафана праздничного малинового цвета. Самым дорогим был гарнитуровый с золотым галуном и 25 серебряными с позолотой пуговицами. Еще один такой же сарафан был сделан из грезета – этим старинным словом обозначалась шерстяная ткань с травчатым по ней узором такого же цвета [19]. Третий из нарядных

сарафанов был отделан золотым позументом и 22 серебряными пуговицами. Два повседневных сарафана были сшиты из китайки синего и зеленого цвета и украшены серебряными пуговицами. Наконец, в гардеробе был и простенький ситцевый сарафан коричневого цвета, скорее всего, для употребления в качестве домашней одежды. Под сарафан надевалась рубаха с рукавами, а поверх – телогрейка. Самая нарядная телогрейка была белого цвета с золотым галуном, которая, по-видимому, эффектно смотрелась поверх малинового сарафана. Две телогрейки попроще, малинового и зеленого цвета, были украшены золотым позументом, а третья – «серебряным галуном по темной земле».

Особое внимание уделялось головному убору. В обиходе Авдотьи Липиной было несколько экземпляров старинной фаты, которая представляла собой легкое покрывало, спускающееся с головы к поясу, и использовалась по торжественным случаям [20, с. 311]. Каждодневным убором были платки, которых у Липиной было 22, как новых, так и поношенных, различных тканей и расцветок: алые, зеленые, желтые, вишневые, коричневые, белый, как однотонные, так и с «травчатым» рисунком или каймой. Алые ленты, пояса и запас пуговиц служили нарядным дополнением к гардеробу, а 20 золотников серебряных пуговиц и 56 золотников серебряных с позолотой позволяли украсить не один сарафан (золотник – старинная мера веса, равная 4.266 г.).

Таким образом, Авдотья была зажиточной мещанкой, носившей разнообразную одежду добротного качества, соответствовавшую традициям рядового русского городского населения. В отличие от мужа, который был одет гораздо более скромно и удобно для повседневной деятельности, жена была витриной семьи, ее одежда подчеркнуто демонстрировала богатство. Социальной маркировкой было также и большое количество ювелирных украшений, на что указывают многие исследователи повседневности [21, с. 190]. Липина могла демонстрировать золотой перстень с зеленым камнем, четыре серебряных перстня с жемчужинами, яхонтом, зеленым и вишневым камнями. Золотые серьги были отделаны жемчугом, бирюзой и изумрудами, а две пары серебряных серег были позолочены, оправлены жемчугом, вишневыми и зелеными камнями.

Модное платье в этот период было уделом аристократии, однако в гардеробе Липиной уже появились отдельные стильные вещи. Дорогая

кашемировая шаль, которую носила Авдотья, была статусной вещью высших сословий [20, с. 320]. На двух рубахах были кисейные рукава, которые носили щеголихи и модницы. Чепец, вышитый золотом и унизанный жемчугом, был не только дорогим одеянием. Этот старинный головной убор в XVIII–XIX вв. носили женщины высших сословий, для купчих и мещанок он был иноземным новшеством [12, с. 117]. И совсем неожиданным аксессуаром для традиционного мещанского образа является табакерка, оправленная финифтью.

Казанское мещанство было полиэтничным и поликонфессиональным по своему составу. Большую часть составляла русская мещанская община, отдельные сообщества представляли мещане-татары, являясь небольшой частью татарского населения Казани. Так, в 1796 г. в городе насчитывалось 676 русских и 595 татарских купцов, а мещан соответственно 3259 и 19 мужских душ [22, с. 88]. Рост числа мещан-татар в первой половине XIX в. был незначительным и происходил в основном за счет перехода обедневших купцов в мещанство. Так, на общем собрании городского общества в 1834 г. было отмечено, что в ведении татарской ратуши «находится весьма малое количество татар из мещанского сословия и не более как до 320 душ по 7-й ревизии, а остальные затем проживающие в одних с ними татарских слободах мещане более 1500 душ состоят в ведомстве городского магистрата» [23, л. 1]. К. Фукс в 1840-е годы насчитывал в Казани 722 семейства мещан-татар – 1736 мужчин и 1934 женщины, отмечая крайнюю незначительность увеличения татарского населения извне [24, с. 8].

Образ мещанина-татарина, обладающего приличным достатком, можно представить на основании описания имущества Ахмета Карташова, сделанного в 1840 г. [25, л. 10]. Карташов носил тулуп из мерлушки, покрытый черной китайкой, дорогую круглую шапку из камчатского бобра с верхом из коричневого сукна, опойковые сапоги, которые считались наиболее ценными, плюсовые шаровары. Выходной одеждой был темно-синий суконный кафтан на вишневой подкладке, отделанный серебряными позолоченными пуговицами, сохранившийся почти новым. Судя по стоимости и степени изношенности, повседневной рабочей одеждой был оленин тулуп, сапоги из оленьих лап, две пары рукавиц – ветхие кожаные и сшитые из волчьих лап, складной картуз из белой опойковой кожи и поярковая шляпа. Таким образом, значительная часть гардероба Карташова является типичной

для рядовых казанцев того времени независимо от национальности. Тем не менее отдельные предметы гардероба идентифицируются как национальные. Карташов имел традиционные для татар шапку из черной мерлушки, отделанную внутри таким же белым мехом, малахай из белой овчины, крытый темно-зеленым сукном с шелковыми кистями, отороченный мехом рыси, а также бухарскую тюбетейку. Халаты носили все мещане, но у Карташова халат сшит из бухарской ткани в синюю полосу. Верблюжий желтый кафтан и татарские кожаные мягкие сапоги-ичитки довершают перечень национальной одежды.

Представляется обоснованным вывод о том, что город играл нивелирующую роль, сближая жителей, находящихся на одном социальном уровне. В костюме русских и татарских мещан заметно немалое сходство как по перечню предметов, так и по их функциональной принадлежности. И так же как у русских мещан, у татар тоже появляются некоторые элементы европейского костюма. Карташов был обладателем карманных серебряных английских часов с сердоликовой печатью и выгравированной своей фамилией, сафьянового бумажника и темно-синего носового платка. Можно предположить, что мещане-татары, занимаясь преимущественно торговлей, имели активные деловые контакты с партнерами разных национальностей и сословных групп, часто выезжали по торговым делам за пределы уезда и губернии и в силу этого были достаточно восприимчивы к культурным заимствованиям, сохраняя при этом национальную идентичность.

Иной характер носит образ женщины-мещанки из татарской семьи. Опись имущества умершей вдовы Махурбаны Рахманкуловой 1840 года содержит перечень исключительно традиционных татарских женских нарядов [25, л. 48]. Рахманкулова наряжалась в камзол без рукавов золотой парчи с алыми цветами на лисьем черном меху, отделанный камчатским бобром. Под камзол надевались разные рубахи: ситцевые темного цвета с травчатым рисунком или алая с узорами. Поверх навешивался нагрудник с золотым и серебряным позументом, которых у Рахманкуловой было несколько штук. Нарукавники на рубахи были украшены жемчугом и пряжками из серебра с бирюзой. Малиновая шапка была оторочена по кругу бобром и отделана желтым позументом. Голова покрывалась белой коленкоровой косынкой с узорами, золотым позументом и золотой бахромой. Рахманкулова также берегла наверхние на шапку в виде серебряной шишки

под золотом, обложенной по кругу корольками – выплавленными металлическими шариками. В качестве украшений обильно использовались нитки жемчуга, серебряные позолоченные пряжки, серебряные пуговицы, подвески из позолоченного серебра с бирюзой. Бирюза считалась на Востоке символом счастья и благополучной семейной жизни и встречается во всех описаниях имущества мещанок-татарок. Как видим, гардероб Махурбаны Рахманкуловой формирует образ восточной женщины, совершенно далекой от европейской культурной модели, полностью сохраняющей этноконфессиональную идентичность, не нарушая ее даже в деталях. Это полностью совпадает с описанным К. Фуксом образом жизни казанских татарок, который определялся ролью женщины в мусульманской семье.

В целом одежда казанских мещан, как мужчин, так и женщин, подчеркивала их принадлежность к традиционной городской культуре. Об этом свидетельствуют и очевидцы. Казанский историк Николай Баженов в 1847 г. писал: «Природные мещане и вошедшие в состав их обедневшие купцы большей частью мелочные торговцы или купеческие прикащики при незатейливом их образе жизни более или менее следуют домашней тактике купеческого быта... в общем жизнь их скромная, оттененная стариною, с ее дедовской чарой и крепкими запорами. Скромность неотсталой от старины жизни очевидно доказывается и проявлением бород» [26, с. 130–131].

Изучение мужской и женской одежды представителей русского и татарского мещанских обществ дает возможность репрезентации образа горожанина, живущего в исторически реальной городской среде. Исследуя одежду казанских мещан, мы наблюдаем противоречивые явления. С одной стороны, традиционный костюм-образ сохранен практически полностью. Мещане губернского города носили простонародную одежду, идентифицирующую их принадлежность к своему сословию и национальности. Это проявляется в названиях отдельных видов одежды, исконных старинных тканях, привычной цветовой гамме. Обращает внимание наличие архаизмов в обозначении предметов одежды: в источниках упоминались азямы и армяки, холодник, треухой чабак – термины, уже устаревшие к XIX веку. Практически отсутствовала функциональная дифференциация одежды. Только в некоторых случаях можно отделить выходной праздничный костюм от повседневного, затруднительно сделать предположения о

домашней одежде. Живя в городе и сталкиваясь с дворянами, чиновниками и купцами в модной одежде, мещане, тем не менее, считали простонародное платье вполне приличным и достойным [27, с. 482–483].

Весь облик казанских мещан свидетельствовал о прочности устоявшихся социальных и эстетических норм. Даже зажиточные мещане, которые могли позволить себе значительные расходы на одежду, не выходили за пределы традиций. Переход к европейской одежде в среде провинциального мещанства обозначен в виде тенденции появления отдельных деталей гардероба при сохранении образа в целом. Проникновение модернизационных веяний в среду провинциальных городских обывателей сдерживалось устойчивыми социокультурными традициями, определяемыми этноконфессиональной и гендерной идентичностью. По мнению исследователей, данная культурная ситуация является типичной для крестьян, рядовых горожан и даже купцов первой половины XIX в. Европейская одежда была частью стиля жизни только высших сословий. Процесс вытеснения общепринятых форм проходил медленно, проявляясь в осторожном вхождении в обиход отдельных модных деталей.

Данные выводы совпадают с мнением российского историка Л.В. Кошман, которая исследовала образ жизни горожан XIX в. Мещанский костюм как эстетический идеал и социальный знак свидетельствовал о том, что сохранение традиций было значимой социальной ценностью [28, с. 260]. Как показала в своем исследовании Н.Л. Пушкарева, только во второй половине XIX в. одежда горожан стала быстро меняться в соответствии с модными веяниями [29, с. 86]. Изучая историю российской моды, К. Руан отмечала, что женщины быстрее перенимали европейскую моду [30, с. 14]. Однако, как видно из предыдущего анализа, в первой половине XIX в. новации даже в женской одежде мещан появлялись только как «говорящие» детали, а в костюме казанских татарок вообще отсутствовали. Как доказала в своем исследовании Т.О. Волобуева, утверждение европейского костюма как массовой городской одежды приходится в России только на 1880-е годы. В первой половине XIX в. социокультурный менталитет мещанина оставался в целом еще на уровне сословной ментальности [4, с. 33].

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-09-00353.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Советский писатель, 1989. С. 79.
2. Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М.: Слово/Slovo, 2002.
3. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. 246 с.
4. Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX века // Отечественная история. 2008. № 1.
5. Lipp C. Alltagskulturforchung, Soziologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts // Zeitschrift für Volkskunde. 1993. 89 Jg. Hf. L.s.2. S. 32–38.
6. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 12. Оп. 31. Д. 24. Л. 3 об.; Ф. 26. Оп. 1. Д. 174. Л. 50; Ф. 26. Оп. 1. Д. 553. Л. 261–261 об.; Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 21; Ф. 139. Оп. 1. Д. 9. Л. 26; Ф. 139. Оп. 1. Д. 16. Л. 13 об.; Ф. 139. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.
7. Лотман Ю.М. О роли случайных факторов в поэтическом тексте // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 138.
8. Будничные проблемы повседневной истории: о ее дефицитах и положении среди других направлений: беседа с проф. А. Людтке о развитии Alltagsgeschichte // Социальная история. Ежегодник 2005. М.: РОССПЭН, 2006. С. 60.
9. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 248–268.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. С. 337–338.
11. НАРТ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1.
12. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001. 263 с.
13. НАРТ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 174.
14. НАРТ. Ф. 12. Оп. 31. Д. 24.
15. НАРТ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗБ, 1995.
17. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX в. (опыт энциклопедии). Ч. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 86.
18. Судаков Г.В. Старинная женская одежда и ее наименования // Русская речь. 1991. № 4. С. 109.
19. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1988.
20. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. М.: Легпромбытиздат, 1996. 344 с.
21. Шулулс И.И., Киприянова Н.В., Мягтина Н.В., Черничкина В.А. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети

XVIII – первой половине XIX в. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2009. 272 с.

22. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

23. НАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1115.

24. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.

25. НАРТ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 18.

26. Баженов Н. Казанская история. Казань: Тип. Университета, 1847. 512 с.

27. Куприянов А.И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

28. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 260.

29. Пушкарева Н.Л. «Обморок лягушки» или «бараний окорок»? Одежда русских женщин XIX – начала XX в. // Родина. 1995. № 10. С. 81–87.

30. Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 416 с.

THE COSTUME OF KAZAN TOWNSPEOPLE IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY: THE SIGN AND THE IMAGE

The article examines the characteristic of social quality under the class system. Class-specific clothing was a social marker, a system of signs that informed others about the social status, ethno-confessional affiliation, prosperity, social role and self-identity of the petty bourgeois. The analysis of archival materials, most of which were first introduced into scientific circulation, made it possible to reconstruct a petty-bourgeois costume and to present a visual image of an ordinary townsman and a townswoman of the period under study. The study of the clothes as an image of both men and women from Russian and Tatar townspeople's communities brings us to the conclusion that the petty-bourgeois costume was a traditional type of an ordinary urban dweller's clothing with the account of gender and ethno-confessional features. The cultural world of a provincial citizen remained practically unaffected by the process of displacement of conventional forms. The concept of fashion has not yet penetrated the consciousness of townspeople, and new elements in the petty-bourgeois costume were present as separate parts of clothing, fabrics, accessories, without changing the image as a whole. In the first half of the 19th century, the socio-cultural mentality of the petty bourgeois remained largely at the level of class-based mentality.

Keywords: Russian and Tatar petty bourgeoisie, clothing, socio-cultural identity, ethno-religious and gender traditions, modernization.

References

- Ginzburg L. Chelovek za pis'mennym stolom: Ehsse. Iz vospominanij. Chetyre povestvovaniya. L.: Sovetskij pisatel', 1989. S. 79.
- Kirsanova R.M. Russkij kostyum i byt XVIII–XIX vekov. M.: Slovo/Slovo, 2002.
- Pantin V.I. Volny i cikly social'nogo razvitiya: civilizacionnaya dinamika i processy modernizacii. M.: Nauka, 2004. 246 s.
- Volobueva T.O. Ehvoluciya gorodskogo kostyuma kak otrazhenie modernizacionnyh processov v rossijskom obshchestve vtoroj poloviny XIX veka // Otechestvennaya istoriya. 2008. № 1.
- Lipp C. Alltagskulturforschung, Soziologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts // Zeitschrift für Volkskunde. 1993. 89 Jg. Hf. L.s.2. S. 32–38.
- Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (dalee – NART). F. 12. Op. 31. D. 24. L. 3 ob.; F. 26. Op. 1. D. 174. L. 50; F. 26. Op. 1. D. 553. L. 261–261 ob.; F. 138. Op. 2. D. 1. L. 21; F. 139. Op. 1. D. 9. L. 26; F. 139. Op. 1. D. 16. L. 13 ob.; F. 139. Op. 1. D. 18. L. 9.
- Lotman Yu.M. O roli sluchajnyh faktorov v poehticheskom tekste // Lotman Yu.M. Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2002. S. 138.
- Budnichnye problemy povsednevnoj istorii: o ee deficitah i polozenii sredi drugih napravlenij: beseda s prof. A. Lyudtke o razvitii Alltagsgeschichte // Social'naya istoriya. Ezhegodnik 2005. M.: ROSSPEhN, 2006. S. 60.
- Lotman Yu.M. Poehtika bytovogo povedeniya v russkoj kul'ture XVIII veka // Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i. Tallinn, 1992. T. 1. S. 248–268.
- Toffler Eh. Shok budushchego. M.: AST, 2002. S. 337–338.
- NART. F. 138. Op. 2. D. 1.
- Fedosyuk Yu.A. Chto neponyatno u klassikov, ili Ehnciklopediya russkogo byta XIX veka. M.: Flinta, Nauka, 2001. 263 s.
- NART. F. 26. Op. 1. D. 174.
- NART. F. 12. Op. 31. D. 24.
- NART. F. 139. Op. 1. D. 9.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: AZ", 1995.
- Kirsanova R.M. Kostyum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture XVIII – pervoj poloviny XX v. (opyt ehnciklopedii). Ch. 1. M.: Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya, 1995. S. 86.
- Sudakov G.V. Starinnaya zhenskaya odezhda i ee naimenovaniya // Russkaya rech'. 1991. № 4. S. 109.
- Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo veliko-russkogo yazyka. M.: Citadel', 1988.
- Orlenko L.V. Terminologicheskij slovar' odezhdy. M.: Legprombytizdat, 1996. 344 s.
- Shulus I.I., Kipriyanova N.V., Myagtina N.V., Chemichnina V.A. Povsednevnyaya zhizn' provincial'nogo goroda Vladimira v poslednej treti XVIII – pervoj polovine XIX v. Vladimir: Izd-vo Vladimir. gos. un-ta, 2009. 272 s.
- Zorin A.N. Goroda i posady dorevolucionnogo Povolzh'ya. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001.
- NART. F. 114. Op. 1. D. 1115.
- Fuks K. Kazanskije tatory v statisticheskom i ehtnograficheskom otnosheniyah. Kazan', 1844.
- NART. F. 139. Op. 1. D. 18.
- Bazhenov N. Kazanskaya istoriya. Kazan': Tip. Universiteta, 1847. 512 s.
- Kupriyanov A.I. Kul'tura gorozhan russkoj provincii konca XVIII – pervoj poloviny XIX v.: opyt mezhregional'nogo issledovaniya: Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2007.
- Koshman L.V. Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya. M.: ROSSPEhN, 2008. S. 260.
- Pushkareva N.L. «Obmorok lyagushki» ili «baranij okorok»? Odezhda russkih zhenshchin XIX – nachala XX v. // Rodina. 1995. № 10. S. 81–87.
- Ruan K. Novoe plat'e imperii: istoriya rossijskoj modnoj industrii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 416 s.